

Городское планирование и городская самоорганизация: трансформация пространственных ориентиров развития Москвы¹

Ольга Вендина

Введение

История городского планирования в Москве насчитывает более 250 лет, но свой современный вид оно приняло в начале XX века в череде предложений по созданию генерального плана реконструкции города, превращавшего «сердце Святой Руси» в столицу первого в мире пролетарского государства. Революционный урбанизм не стремился «лечить болезни» дореволюционного города, а ставил перед собой куда более амбициозные цели – «начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [Письмо..., 1930, с. 61]. Это намерение опиралось на веру в технический прогресс и возможность трансформации социума путем реорганизации его жизненного пространства. Решение многочисленных проблем городского общежития виделось в установлении порядка, соответствующего идеалам бесклассового общества и лучшим достижениям урбанистической практики. Частная собственность, которая с позиций того времени рассматривалась как «зло» и тормоз городского

1. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008). Автор также является участником проекта ANR-21-CE22-0023 Space and Politics: Capital Cities as Instruments of Political Struggle and Power (SPACEPOL).

Ольга Ивановна Вендина, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН; Российская Федерация, 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29.
E-mail: vendina@igras.ru

Статья посвящена постсоветскому периоду развития Москвы, когда на смену принципам советского градостроительства пришла идеология предпринимательского города, а затем нового урбанизма. Автор задается вопросом о механизмах упорядочивания пространственного развития российской столицы на фоне интенсивного потока слабо контролируемых изменений и нарушения многих градостроительных норм и правил. Высказывается предположение о взаимодействии двух относительно независимых источников пространственного порядка – городского планирования и спонтанной самоорганизации. Основное внимание уделено анализу сдвигов, произошедших в системе приоритетов разных субъектов городского развития: власти, бизнес-структур и жителей. Выделяется роль населения как одного из ключевых агентов изменений. В заключении автор обращает внимание на глубинное противоречие, связанное с автономностью и одновременно взаимозависимостью городского планирования и спонтанной самоорганизации. Пример российской столицы показывает, что доминирование отдельных групп интересов не обеспечивает устойчивого развития города независимо от того, кто будет определять городскую повестку – институты власти, опирающиеся на городское планирование и нормативные регламенты, бизнес-структуры, навязывающие свою логику развития, или «активные москвичи». Несмотря на действие адаптационных механизмов саморегуляции, которые сглаживают как негативные последствия планировочных решений, так и спонтанной самоорганизации, необходимы постоянные интеллектуальные усилия для выявления побочных эффектов происходящих в городе изменений, переформирующих его физическое и воображаемое пространство.

Ключевые слова: Москва; городское планирование; самоорганизация; пространственные структуры; социалистический город; предпринимательский город; новый урбанизм

Цитирование: Вендина О.И. (2022) Городское планирование и городская самоорганизация: трансформация пространственных ориентиров постсоветского развития Москвы // Городские исследования и практики. Т. 7. № 4. С. 29–53. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp74202229-53>

развития, была устранена, что позволяло принимать решения в интересах «трудового большинства», а не отдельных хозяев. Отсутствие рыночных механизмов регулирования землепользования и соответствующих правовых актов компенсировалось системой управления, основанной на принципах экспертизы, рациональности (нормирования) и функционализма. Однако уже первые опыты городского планирования показали непрозрачность и волюнтаризм принимаемых решений [Козн, 2012]. В дальнейшем, по мере роста численности населения и территории города, нарастала и проблематичность осуществления градостроительных планов, основанных преимущественно на экспертном знании. Особенно показателен в этом отношении генплан 1971 года, из масштабных проектов которого, за вычетом кварталов массовой жилой застройки, почти ничего не было реализовано. Реальная жизнь существенно отличалась от запланированной, принятие градостроительных решений «в порядке исключения» превратилось в правило. Тем не менее городское пространство Москвы не стало хаотичным, а поток слабо контролируемых изменений каким-то образом упорядочивался.

Объяснение этого феномена было предложено А. Э. Гутновым, который полагал, что механизмом, обеспечивающим пространственный порядок, является взаимодействие процессов формирования городского «каркаса» и городской «ткани». «Каркас» образует структуру города, которая затем обрастает пластичной «тканью». По мере роста «ткани» возникающая городская среда становится все более рыхлой и требующей функционального укрепления, то есть наращивания «каркаса» и обустройства новых узловых центров. Хотя введенное Гутновым понятие «ткани» содержало в себе намек на социальную природу города, он трактовал его как «материально-пространственный субстрат, подчиненный каркасу» [Гутнов, 1984, с. 249]. Позднее объяснительная модель Гутнова была реинтерпретирована О. А. Баевским, который внес в нее положения теории информационно-транспортных коммуникаций и некоторые базовые характеристики поведения людей [Баевский, 2016]. Как яркий представитель российской школы городского планирования, Баевский сохранил идею управляемости общества градостроительными средствами в силу неотъемлемости «целевых функций» и «объективных запросов» городского населения. Сохранился и принцип субординации, по-

ведение людей было рационализировано с помощью представлений о базовых потребностях, лишено спонтанности и подчинено градостроительным замыслам.

Следующий шаг был сделан Ф. С. Кудрявцевым. Сохранив логику двухтактной модели Гутнова, он указал на неоднородность состава агентов городского развития, включающих наряду с институтами власти и городскими планировщиками инвесторов, строительные компании, землевладельцев и девелоперов, обладающих известной степенью автономности в деле преобразования городского пространства и способностью продвигать собственные интересы вопреки существующим ограничениям. Результатом их постоянного взаимодействия становится своеобразное разделение труда: городская власть, использующая инструменты планирования, в большей мере отвечает за развитие городского «каркаса», а инвесторы, чье пространственное поведение определяется не столько аргументами общественной пользы, сколько извлекаемой выгоды, – городской «ткани». Поиск золотой середины происходит опытным путем с помощью обучения на практике и метода «проб и ошибок» [Кудрявцев, 2021]. Этот интересный теоретический опыт ситуационного моделирования, указывает на стохастический характер многих городских процессов, которые тем не менее подчиняются императиву сложившихся пространственных структур, испытывая их на прочность. Однако, как и предшествующие попытки объяснить эффект упорядочивания городского пространства, данная модель исключает из рассмотрения многомиллионное население Москвы. В предлагаемой статье хотелось бы восполнить этот пробел.

Наша гипотеза состоит в следующем: несмотря на слабость институтов гражданского общества, ограниченность участия рядовых москвичей в выработке городской политики и формальность процедур общественных слушаний, процессы самоорганизации оказывают существенное влияние на принятие градостроительных решений и пространственное развитие Москвы. Именно жители города формируют представления о символически значимых характеристиках городских районов и дифференциации городского пространства. Закрепление этой оценочной схемы в общественном сознании означает самопроизвольное конструирование и поддержание пространственного порядка, отвечающего предпочтениям людей. Однако для мате-

риализации воображения и превращения субъективных представлений в ориентиры территориального развития необходим посредник, убежденный в их «объективности» и обладающий доступом к градостроительным возможностям и инструментам. Функции посредника способны выполнять как экспертные институты городского планирования, выступающие от имени населения, так и институты бизнеса и рыночной экономики, чутко реагирующие на потребительский спрос. Производной от установившейся системы отношений является упорядочивание городского пространства как результат постоянного взаимодействия всех субъектов городского развития и ограничения деятельности каждого из них со стороны контрагентов.

Настоящая статья посвящена проверке данной гипотезы и нацелена на выявление результатов взаимодействия двух разнородных и зачастую разнонаправленных трансформационных процессов: эволюционирующей системы приоритетов, лежащих в основе городского планирования, и ценностных установок, влияющих на пространственное поведение людей и бизнеса. Ее задача – обратить внимание на значимость «незначимых» факторов, роль стереотипов общественного мнения в формировании и трансформации городского пространства, наличие побочных эффектов городской политики, проводимой без учета пространственного порядка, продуцируемого самоорганизацией населения. Основное внимание уделено постсоветскому тридцатилетию развития Москвы, которое было отмечено сломом советской идеологии и градостроительной практики, замещением идеалов социалистического города предпринимательским подходом к городскому развитию, чтобы спустя два десятилетия уступить место «новому урбанизму».

Теоретико-методологическая база анализа

Городское планирование и городская политика по умолчанию считаются взаимосвязанными, почти синонимичными сферами деятельности, поскольку так или иначе они должны реагировать на многочисленные городские проблемы и давать прогноз на будущее. Однако если городское планирование – область почти исключительной деятельности профессионалов, то городская политика публична по своей сути. Даже если решения принимаются за закрытыми дверями, на них влияет множе-

ство внешних сил: государственные и городские чиновники, эксперты, представители бизнеса разного уровня и жители города со всем разнообразием проблем, мнений, жалоб и интересов. Политики вынуждены искать баланс между аккумуляцией власти в руках бюрократии и решением общезначимых городских задач. Стремление обеспечить стабильность системы управления предполагает удовлетворение запросов тех сегментов общества, которые гарантируют политическую поддержку, что далеко не всегда соответствует мнению экспертов.

Наиболее детально данный вопрос разработан в теории городских режимов, предложенной в середине 1980-х годов [Stone, 1987, 1989; Stoker, Mossberger, 1994; Mossberger, Stocker, 2001]. Ее основные тезисы, существенные для дальнейшего анализа, можно свести к следующему. Власть в городах фрагментирована, ее тип и характер зависят от располагаемых ресурсов – административных, финансовых, земельных, имущественных, культурных, социальных, символических и пр. Ни один из агентов городского развития не контролирует все источники и возможности власти. Полноценное управление городскими процессами требует консолидации потенциалов влияния. Наряду с городскими администрациями, в выстраивании властных коалиций участвуют агенты экономической деятельности, прежде всего бизнес-структуры и жители города, проводником влияния которых являются разнообразные общественные организации и социальные медиа. Каждая из названных сил отличается внутренней неоднородностью и не формирует ни консолидированной поддержки принимаемых решений, ни консолидированного сопротивления. Сложность мотивов поведения и избирательность предпочтений взаимодействующих групп интересов приводят к формированию политики сдержек и противовесов, гласных и негласных правил, обеспечивающих возможность достижения договоренностей (компромиссов) и реализации поставленных целей. Данный порядок, собственно, и является городским режимом. Поскольку каждый крупный город, а тем более мегаполис, имеет свою историю и политическую культуру, то городские режимы обладают выраженной спецификой. Их надежность, устойчивость и воспроизводство зависят от способности адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, умения стимулировать и тормозить перемены, сочетать противоречащие друг

другу целевые установки [Stoker, Mossberger, 1994].

Критики теории городских режимов указывали на ее ограниченность условиями демократических политических систем, преимущественно американского и англосаксонского образцов, и ставили под сомнение коалиционный принцип городской власти, подчеркивая проблематичность кооперации между разными группами интересов [Hill, 2000; Nichols, 2005; Норт, 1997]. Указывалось и на игнорирование связи городских режимов с «большой» политикой [Bodenschatz et al., 2015], нередко работающей на подавление локальных инициатив [Herschell, Newman, 2017; Peck, 2015; Гельман и др., 2008; Гельман, 2018]. Критиковалось и отсутствие достаточного внимания к практике имитаций, тогда как даже поверхностные наблюдения свидетельствовали о том, что городские власти перестраивают города, подражая образцам и мало считаясь с локальными социальными процессами. Немало упреков вызывало и преувеличение значимости коалиции бюрократии и бизнеса как наиболее влиятельных групп, определяющих городское развитие [Purcell, 2006].

Несмотря на жесткую критику, теория городских режимов остается востребованной и широко применяется, в том числе и для анализа российских реалий [Ледяев, 2008; Laruelle, 2020; Gunko, Kinossian et al., 2021]. Ее основной тезис о фрагментированности источников власти и коалиционной природе городских режимов обусловил переход от парадигмы директивного управления (*government*) к более тонким методам принятия решений, основанным на обсуждениях и согласовании интересов (*governance*). Возникло целое направление исследований механизмов власти, опирающееся на гипотезу М. Фуко о рациональной природе технологий правления (*governmentality*)², позволяющих добиваться добровольного участия управляемых в управлении ими [Foucault, 2008]. Фуко подчеркивал неэффективность действий, предпринимаемых властью «в одиночку» без учета настроений общества, что приводит к провалу практической реализации даже самых позитивных программ и превращает городское планирование в утопическую деятельность [Rose, 1999; Elden, Crampton, 2007; Dean, 2009; Walters, 2012].

2. М. Фуко предпочитал использовать выражение «искусство правления» как умение власти проникать во все поры общества, рационализируя формы влияния на поведение людей, сочетая стратегии, процедуры и правила с интуицией, знаниями и техниками [Foucault, 1991].

В сходном направлении развивалась и институциональная теория, особенно ее ветвь, ориентированная на исследование природы институтов и их эволюции. С теорией городских режимов ее роднит представление об институтах как «правилах игры», которые структурируют повседневную жизнь и организуют разнородные социальные взаимодействия [Норт, 1997; Норт и др., 2011]. Согласно Д. Норту, институциональные ограничения и предписания могут иметь формальный и неформальный характер, быть результатом законодательно оформленного человеческого замысла и следствием социального опыта, опирающегося на условности, установки и поведенческие нормы. Данный подход позволяет распространить понятие «институт» не только на городское планирование как внешнюю принуждающую силу, подчиненную рациональному целеполаганию, но и на самоорганизацию как способ самопроизвольного создания и поддержания порядка, обладающего способностью к самовоспроизведению в меняющихся обстоятельствах. Он уравнивает значение городского планирования и городской самоорганизации с точки зрения их влияния на городское развитие и снимает проблему гегемонии альянса власти и бизнеса как наиболее значимых агентов изменений. Вносится ясность и в вопрос о роли идеологий и дискурсов, поскольку институты, в том числе и неформальные, способны не только меняться сами, но и менять «правила игры».

Обобщая сказанное: предлагаемый анализ трансформации ориентиров пространственного развития постсоветской Москвы опирается на следующие концептуальные положения. Городское планирование и городская самоорганизация являются институтами, каждый из которых следует собственной логике функционирования, исходит из своих приоритетов и опирается на разные ресурсы влияния: административные, финансовые, земельные, культурные, социальные, символические и пр. Неравенство и асимметрия располагаемых ресурсов определяют необходимость оглядываться друг на друга и явно или неявно взаимодействовать. Возникающая в результате взаимного приспособления институциональная среда (городской режим) всегда специфична и зависит от особенностей локальной культуры,

управленческих привычек власти и поведенческих – населения. Мир институтов города складывается в течение длительного времени и, несмотря на стремление к самосохранению, подвержен внутренним трансформациям под влиянием «смены веков» в обществе, политике и идеологии. Новые веяния создают новые возможности и позволяют разным группам интересов менять свои социальные позиции, выступая в качестве доминирующих агентов развития, трансформируя городское пространство «под себя». Данная теоретическая рамка позволяет описать и объяснить качественные трансформации московской градостроительной политики под влиянием изменений, происходящих в российском социуме, сопоставить сдвиги в установках проектировщиков и предпочтениях людей, связать реорганизацию физического и символического пространства Москвы.

Советское наследие: эгалитарность и неравенство

Феномен советского урбанизма с его технократической прагматичностью и рациональностью, с верой в марксистскую социальную утопию, подкрепляемую авторитарностью руководства, хорошо известен. Его результатом стал советский город, сочетающий социальность с равнодушием к конкретности человеческой жизни, а возможности развития личности – с пренебрежением к тонкостям культуры, различиям предпочтений, представлений и вкусов людей [Иконников, 2001]. В своей предельной ипостаси он ориентировался на теорию идеального города с его идеальными жителями, что на практике означало решение задач индустриализации страны и формирование новой исторической общности «советский народ». В отличие от города средневекового, «рыночной площади», и города капиталистического, «бездушной машины», советский социалистический город должен был обеспечить полноценную жизнь людей, удовлетво-

ние их насущных потребностей и работу на благо общества. Основными критериями, определяющими его соответствие данному идеалу, были:

- обладание промышленным потенциалом и представительным рабочим классом как носителем и хранителем ценностных установок коммунистического общества;
- функциональность: каждой функции «свое» место, что исключает конкуренцию за ограниченные ресурсы городской земли;
- рациональная организация и упорядоченность повседневной жизни, социальное нормирование потребностей и минимизация непродуктивных затрат, в том числе времени на поездки между домом и работой;
- эгалитарность, преодоление имущественного, этно-расового и социального неравенства, совместность проживания и использования городских благ и возможностей;
- нормативность, доступность социальной инфраструктуры, сферы торговли и услуг, развитие системы общественного транспорта;
- экологичность: социалистический город должен быть «зеленым» и здоровым, минимизировать влияние вредных промышленных выбросов на жилую среду;
- современность и ориентированность в будущее: нестареющий город должен уделять особое внимание детям и молодежи, быть символом прогресса и модернизации.

Описанный свод правил был производной от основополагающих принципов советского государства и ориентированным на его нужды, однако будучи деперсонифицированным, он не был бесчеловечным. Идеалы советского урбанизма соответствовали философии модернизма [Ле Корбюзье, 1970; 1976]³, а нетерпимость к излишествам, привилегиям и сословному неравенству – представлениям общества, вышедшего

3. Можно только удивляться тому, насколько типовая застройка советских городов с их микрорайонами и «свободной планировкой» соответствовала идейным установкам модернизма, наиболее четко сформулированным в теоретических работах Ле Корбюзье. Еще в 1926 году Б. А. Коршунов, известный и авторитетный профессор архитектуры, учивший студентов в МВТУ им. Баумана и МАРХИ, писал: «Париж, как и наша Москва, средневекового происхождения – с улицами шириной местами в 9–11 метров и перекрестками каждые 30–50 метров. <...> Тут без «хирургии в городе» не обойтись! Корбюзье предлагает: заменить средневековые «тропинки» проспектами 50–80 метров шириной с кварталами в 400 метров длиной, с застройкой 5% участков. <...> Для нас в его идее важна смелость и простота мысли – наши города, как уже поминалось, по сравнению с Парижем – «невспаханное поле», затрата ценностей при разрушении и переустройстве у нас, по сравнению с Западом, почти ничтожна!» [Коршунов, 1926, с. 147–148]. Эти простота и ясность, возведенные в принцип, привели к крайнему упрощению морфологии советского города.

из крестьянской общины и принужденного включиться в интенсивные процессы индустриализации и урбанизации [Вишневецкий, 1998]. В годы послевоенного восстановления СССР принципы экономической целесообразности и типового проектирования превратились в необсуждаемые приоритеты принимаемых градостроительных решений. Вкупе с высокими темпами городского строительства они привели к тиражированию архитектурно-планировочных решений и повсеместному распространению монотонной и единообразной городской среды. Советский город с рядами панельных многоэтажек повсюду выглядел одинаково, а советский урбанизм достиг своего нормативно-стандартизованного предела. Когда стало невозможно игнорировать противоречие между минимализмом условий жизни людей и растущими запросами городского населения, были предприняты попытки привести практику советского градостроительства в соответствие со сложностью общества.

Генплан Москвы 1971 года является одним из таких примеров. Принцип функционализма был в нем дополнен принципом социально-пространственной дифференциации. Предлагалось выделить восемь планировочных зон, осями которых становились главные городские магистрали, отходящие от Садового кольца. В пределах этих зон оформлялись свои субцентры. Строительство новых заводов запрещалось, устаревшие и несоответствующие столичным функциям производства предлагалось вывести за черту города. Приоритет отдавался развитию сферы услуг. Уплотнение и повышение этажности жилой застройки компенсировалось увеличением площади зеленых насаждений. Менялось и отношение к историческому центру, о котором заговорили как о культурном наследии. Отдельным историческим кварталам приписывался статус охраняемых территорий.

Эти предложения нарушали сложившуюся на тот момент логику административного управления городом, подчиненную партийным соображениям, и плохо сочетались с политическими догмами дряхлеющего режима, но они отражали идеи, владевшие умами московских урбанистов, архитекторов и планировщиков. В экспертном сообществе широко обсуждалась необходимость учета роли человека в форми-

ровании среды собственной жизни и низовой самоорганизации как ориентира градостроительной политики [Медведков, 1978; 1980; Гутнов, 1984; Барбаш, 1986; Городская среда, 1989; Боков, 2019; Высоковский, 2008]. Одним из путей реформирования советского градостроительства при сохранении его достижений стала попытка внедрения «неравномерно-районированной модели пространственной организации» (НРМ), которая развивала и конкретизировала «каркасно-тканевую» модель города, предложенную Гутновым [Высоковский, 1986; Бахштейн и др., 1991; Гостев, 2022]. Концепция НРМ подверглась резкой критике советский урбанизм как не имеющий отношения к потребностям реальной жизни, предпочтениям, ценностям и поведению людей [Высоковский, 2005, с. 85] и предлагала опираться на дробное зонирование территории и выработку правового, а не административного режима управления городским пространством.

Декларировалась необходимость дифференцированного нормативно-юридического подхода к землепользованию, частью которого становился учет субъективных представлений восприятия людей – иными словами, соединение в единую систему координат разных «точек отсчета» при определении ценности местоположений [Высоковский, 1998]. Нужно признать, что опыт создания земельного кадастра, опиравшегося на принцип неоднородности городского пространства, был более удачным, нежели попытки совместить ценность городской земли как недвижимого имущества, общественного пространства и среды частной жизни. Причина неудачи кроется не только в косности бюрократизированной системы городского управления, но и в отсутствии умения работать с многообразием городских субъектов, сложностью учета изменчивости и противоречивости запросов людей. Подчеркивая значение «незримой» социально-пространственной структуры города, НРМ, как и другие попытки реформирования советской системы городского планирования, предпринимавшиеся с середины 1960-х годов, оставляла за градостроителем роль мудрого садовника, который «выращивает» городскую каркас и городскую ткань, опираясь на понимание особенностей «почвы», то есть населения⁴. Господствовало убеждение, что давление государства

4. Характерно, что именно образом садовника А. Э. Гутнов заканчивает свою книгу «Эволюция градостроительства». Давая свои наставления начинающему архитектору-градостроителю, он пишет: «Ты не инженер, создающий механическую конструкцию, и не скульптор, высекающий статую из мертвого камня. Ты – садовник,

на общество является главным препятствием в процессе демократизации городского планирования, его устранение позволит высвободить энергию социальной самоорганизации, городского активизма, гражданского участия и городских сообществ, что приведет к кардинальному изменению ситуации в российском градостроительстве.

Крах советского режима обнажил несостоятельность этих ожиданий, гражданское общество постсоветской Москвы выглядело вялым и слабым. Процессы городской самоорганизации активно шли, но не следовали гражданским установкам. Люди направляли свою энергию на решение проблем личного выживания и потребления, а не на заботу об общем благе и общезначимых целях. Это вызвало глубокое разочарование в среде социологов и урбанистов, заговорили об архаизации российского общества и его «недоурбанизированности» [Коган, 1990; 1993; Вишневский, 1992; Глазычев, 1995; Ахиезер, 2001]. Традиционные представления, которые, как казалось, были подорваны советизацией и ускоренной урбанизацией, брали реванш в постсоветских условиях, с той разницей, что поколения москвичей эпохи застоя и реформ были свободны от предписаний, ограничений и обязанностей сельской общины, отдавая предпочтение личным удобствам. Их пространственные предпочтения и поведение в городе были прагматичными и определялись оценками жизненной среды, существенными с точки зрения удобства повседневной жизни и социальной успешности, такими как:

- «хорошие» соседи, гарантирующие отсутствие бытовых неприятностей;
- развитая социальная инфраструктура и, прежде всего, наличие школ, имеющих хорошую репутацию, как правило, специализирующихся на языковом, гуманитарном или математическом образовании;
- престижный адрес как маркер социального статуса и индикатор хорошего соседства;
- наличие метро и сравнительно удобное транспортное положение относительно

места работы, родственных контактов и поездок на дачу;

- близость парков и прогулочных зон;
- характеристики квартиры, включая этаж и вид из окна.

Понятно, что перечисленные критерии становились приоритетами только для тех групп москвичей, которые были чувствительны к описанным параметрам. Речь, прежде всего, идет о горожанах со стажем, москвичах во втором или третьем поколении, интеллигенции. Именно они были готовы нести определенные издержки ради осуществления своих желаний; большинство же населения города предпочитало приспособлять свою жизнь к внешним обстоятельствам. Возможно, избирательность поведения социального меньшинства не сыграла бы существенной роли в формировании второй реальности – «Москвы» в Москве, если бы социокультурные различия не были закреплены функциональным зонированием территории. Идея сближения мест приложения труда и мест проживания ради минимизации непродуктивных затрат времени на транспортные перемещения, возведенная в градостроительный принцип, на практике привела к территориальному обособлению различающихся социокультурных страт населения. Сравнение подписки на популярные и многотиражные издания советского времени, «Литературную газету», которой зачитывалась московская интеллигенция, и газету «Труд», распространяемую в рабочей среде, дает наглядное подтверждение этого факта (рис. 1). Зеркальность изображений, представленных на картах, заставляет думать о выраженной социально-профессиональной сегрегации в Москве. Разумеется, никто не планировал подобного сценария. Сегрегация возникла как непредвиденный побочный эффект градостроительной деятельности и была поддержана самоорганизацией. Реализация пространственных предпочтений людей способствовала спонтанному установлению порядка, отвечающего представлениям москвичей о преимуществах жизни в том или ином районе Москвы, «хороших» соседях и пр. Отдельные

который растит дерево. Ты можешь заставить его приносить плоды и принять нужную тебе форму. Ты творишь по законам своего ремесла то, что развивается в соответствии с законами природы, и творишь лишь в меру того, насколько ты понимаешь эти законы» [Гутнов, 1984, с. 248]. Эта позитивная на первый взгляд метафора, апеллирующая к «естественному» порядку, отражает подход к развитию города с позиции просвещенного авторитаризма и делает выращиваемый «город-сад» заложником вкусов, знаний и профессионализма «садовников». Свидетельством этого стало совмещение в одном городе «сталинской», «хрущевской», «брежневской», «лужковской» и «собянинской» Москвы.

Рис. 1. Ареалы концентрации подписчиков «Литературной газеты» и газеты «Труд», Москва, 1990 год

Источник: Составлено автором по данным Мосгорпочтамта о подписке населения на периодические издания в 1989–1990 годы по территориальным доставочным отделениям Москвы.
Примечание.

а) «Литературная газета»; б) газета «Труд».

© О.И. Вендина * Москва 1999 (TRUD_90prj/PODPIS/Job/ (Pop90 * 2.74) * 100) 10/31/99

участки городской среды были наделены символическим значением ареалов благополучия, а некоторые другие стигматизированы как «социальные отстойники».

Этот факт не остался незамеченным в профессиональной среде. В последнее советское десятилетие начали активно развиваться аксиологические, социологические и семантические подходы к исследованию Москвы, которые акцентировали внимание на социальном воображении и ментальных схемах осмысления реальности [Вешнинский, 1998; Прогнозное социальное проектирование, 1994–1995; Градостроительство, 1998]. Научные поиски исследователей города были хорошо известны в среде градостроителей, но воспринимались как умозрительные и не стали достоянием практики.

Мысль о материальности последствий воображаемых обстоятельств вошла в российский урбанистический дискурс значительно позже, когда стало понятно, что самоорганизация населения фактически сыграла роль «невидимой руки рынка», структурировав социальное пространство Москвы и создав собственный паттерн, отличающийся от радиально-кольцевой планировки города, схемы генплана, полицентричной модели городской организации Гутнова и неравномерно-районированной – Высоковского. Роль денег в этой системе координат играл культурный капитал и общественный пре-

стиж, рынка недвижимости – рынок местоположений, социально-профессиональная стратификация выступила эквивалентом пространственной сегрегации. Даже этническая дифференциация нашла отражение в этой системе, поскольку разные этнические группы характеризовались разным уровнем образования и сферами занятости. Длительная латентная работа самоорганизации вышла наружу в постсоветские годы, когда возникла потребность в рыночных ориентирах. Культурный и социальный капитал был конвертирован в имущественный. На протяжении последних 30 лет карты стоимости жилья в Москве с завидной устойчивостью воспроизводят одну и ту же хорошо узнаваемую структуру, восходящую к спонтанной самоорганизации населения советского времени. Эгалитарное пространство Москвы обнаружило свою социокультурную неоднородность в явном виде, а заодно и высокую вероятность осуществления сегрегационного сценария городского развития при следовании проектировщиков в русле предпочтений людей.

«Предпринимательский город» и бизнес как драйвер пространственного развития

Конец советской эпохи совпал по времени с оживленными научными дискуссиями о последствиях глобализации и постинду-

стриальной трансформации крупнейших городов мира. Теория «глобальных городов» представляла их как автономных агентов мирового развития, аккумулирующих мировое богатство и простирающих свое влияние за пределы национальных государств [Sassen, 1991; Friedman, 1996; Castells, 1996]. В клуб глобальных городов попадали только избранные, Москва числилась среди основных претендентов [Taylor, 2000; 2004]. Властям города и страны очень хотелось встать в один ряд с мировыми лидерами и вернуть позиции, утраченные после краха СССР и распада лагеря социализма. Глобализация развернула политику городского управления от опоры на внутренние ресурсы и социально-ориентированный сервис к поиску внешних инвестиций, стимулированию экономического роста и привлечению транснациональных компаний. Хотя институты и принципы советского урбанизма все еще сохраняли свое идеологическое значение, на практике их роль была сведена к нулю. Последний советский генплан Москвы 1989 года отклонили как несоответствующий духу времени. Возобладало представление о высокой эффективности механизмов рыночной саморегуляции, обеспечивающих отбор лучших решений и проектов. Государственно-частному партнерству была приписана роль ключевого драйвера городского развития. Во главу угла была поставлена задача обеспечения инвестиционного процесса как основного источника роста городской экономики и индикатора ее эффективности. Советская Москва трансформировалась в «предпринимательский город» [Harvey, 1989], участие городской администрации в бизнес-проектах обосновывалось необходимостью зарабатывать средства для их дальнейшего перераспределения на социальные нужды. В соответствии с этим изменились и основные градостроительные приоритеты, теперь система городского планирования должна была обеспечить:

- поддержку высокодоходных видов экономической деятельности;
- повышение конкурентных преимуществ Москвы как кандидата на вхождение в клуб «глобальных городов»;
- создание инвестиционно-привлекательных условий для развития строительного бизнеса как важнейшего драйвера городской экономики;
- повышение эффективности землепользования, уплотнение городской застройки и освоение «новых» участков;

- борьба с «распылением» ограниченных финансовых ресурсов, их аккумуляция и направление на конкретные крупные проекты с четко определенными целями и понятными бенефициарами.

В условиях неразвитости рыночных институтов, отсутствия независимой судебной системы, кадров и практики публичного контроля, модель «предпринимательского города» быстро выродилась в «городскую машину» – фабрику по производству денег [Logan, Molotch, 1987]. Ценность городской земли как общественного достояния и источника социальных благ резко снизилась, а как недвижимого имущества и источника доходов – возросла. Московская мэрия стала главным держателем акций и распорядителем богатств. Несмотря на стихийность происходивших процессов и открытый волюнтаризм решений, принимаемых властями в интересах наиболее влиятельных лоббистов, пространственный порядок, свойственный Москве, устоял. Инерция общества и сложившиеся пространственные структуры города вынуждали вписывать новый порядок в рамки привычных схем организации жизни населения и его пространственного поведения.

Так, реформа территориального деления столицы, проведенная в 1993 году, способствовала сближению системы административного управления с системой внутригородского расселения, хотя задачей реформы, как и многих других преобразований в эпохи кардинальных политических сломов, было лишение прежних элит рычагов влияния путем дезорганизации каналов неформальных коммуникаций и отношений. На смену двухзвенной системе управления, объединявшей под эгидой городской администрации 33 района, пришла трехзвенная. Москва была разделена на административные округа (АО), которые стали практическим воплощением идеи планировочных зон, выдвинутой еще в 1971 году. Каждый АО делился на районы, вернувшие себе исторические имена. Внутренняя однородность районов заметно выросла, а межрайонные различия усилились.

Другой пример – бурный рост торгово-потребительского сектора московской экономики, ориентированной на наиболее «бойкие» места и массовые пассажиропотоки. Вместо торговых улиц в Москве возникли торговые площадки возле станций метро, нередко представлявшие собой нагромождение киосков и легких павильонов. Модель Гутнова,

предполагающая цикличную взаимозависимость развития городского каркаса и городской ткани, идеально описывает эту ситуацию. Взаимное притяжение обеспечивало пространственный порядок вопреки хаотичности отдельных решений и реализуемых проектов. Сменяющие друг друга волновые процессы постепенно сдвинули городскую активность на окраины Москвы, где проживало основное население города, функционировали крупные рынки, строились коттеджные поселки, торговые и сервисные центры. Спонтанное расползание застройки требовало принятия управленческих решений, модернизации инфраструктуры и создания новых элементов каркаса. Однако логика предпринимательского урбанизма, ориентированного на извлечение выгод, затрудняла реализацию этой цели. Найти инвесторов, которые бы облегчили финансовую ношу города, было нелегко: инфраструктурные проекты стоили дорого, а окупались медленно, если окупались. Одним из таких проектов было строительство метро «Мякинино» с привлечением средств частного инвестора, заинтересованного в обеспечении хорошей транспортной доступности своей торгово-развлекательно-выставочной империи. Следование в русле коммерческих интересов привело к изменению первоначального положения станции и вынужденному пересмотру инженерного решения. Изменились не только территориальная локация и железобетонная конструкция, но и социальный адресат реализуемого проекта. Если в первом варианте учитывалась приоритетность транспортной доступности учреждений административного центра Московской области, то во втором – экспо-выставок, бизнес-офисов, дорогих магазинов и концертных площадок. Станция была введена в эксплуатацию в конце декабря 2009 года с многочисленными недоделками, что повлекло за собой десятилетие судебных разбирательств, тяжелый имущественный конфликт, угрозу закрытия и в конечном итоге передачу ее

в бессрочную и безвозмездную аренду Московскому метрополитену со всеми расходами по содержанию.

Хотя бизнес-ориентированный урбанизм в целом придерживался плановочного наследия советского градостроительства, противоречия между порядком, предписанным «на бумаге» и возникающим «на местности», резко обострились. Захват и приватизация городской земли приобрели беспрецедентный для Москвы масштаб. Перекрытие внутриквартальных проездов и проходов, «точечная» застройка и огораживание зданий, строительство коттеджей в парковых зонах, установка металлических гаражей-ракушек во дворах жилых домов, ларьки и прилавки на тротуарах – характерные черты того времени. Лихорадка первичного накопления капитала привела к стихийной трансформации сети городских стадионов в огромные многопрофильные рынки. Сходная судьба постигла многие публичные пространства и закрывающиеся промышленные предприятия. И хотя городские власти пытались направить рыночную стихию в контролируемое русло, добиться желаемых результатов не удавалось⁵.

Не менее впечатляющим был и волюнтаризм административных решений. Стремление московского руководства придать Москве черты признанных лидеров глобализации вылилось в инициирование проекта делового центра «Москва-Сити». Хотя изначально было понятно, что его реализация неизбежно породит функциональные и социальные проблемы, это не остановило проектировщиков. Предлагаемый ими подход «от идеи» опирался на советскую практику больших проектов, реализованных авторитарными методами и затем в большей или меньшей степени ассимилированных обществом и городским пространством.

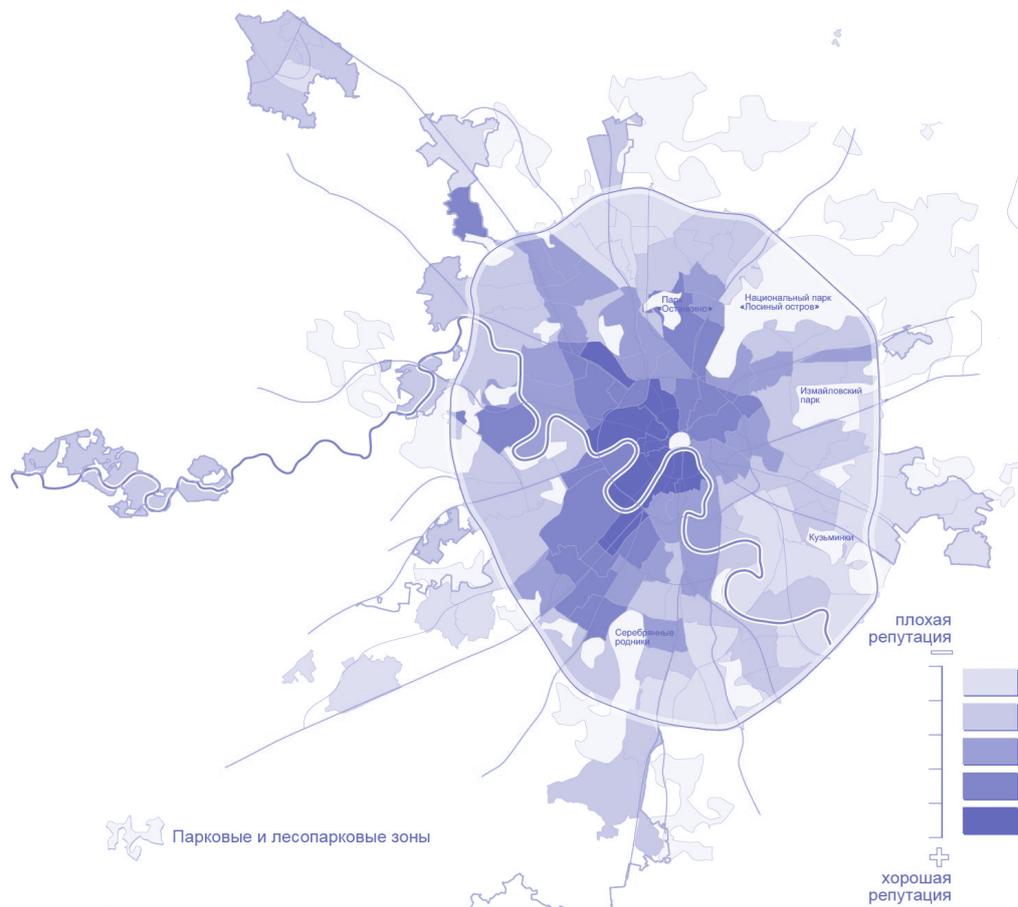
Крайности «низового» и «верхушечного» произвола дополнялись действиями девелоперов и риелторов. В своей деятельности они в большей мере ориенти-

5. Наиболее показательна история Черкизовского рынка – гигантского торгового конгломерата, занимавшего более 70 га. Хотя Черкизовский рынок (в просторечье – Черкизон) рассматривался как зона теневой экономики и беззакония, среди его бенефициаров числились чиновники правительства Москвы и представители руководства Государственного института физкультуры, спорта и туризма, на территории которого он в основном и располагался. Начиная с 2001 года предпринимались безуспешные попытки правового регулирования деятельности рынка. Летом 2009 года было принято решение о его ликвидации. Однако многочисленные полужурегальные структуры и мастерские продолжали действовать на этой территории вплоть до 2013 года. Сходным образом первая «атака» на стихийную уличную торговлю, предпринятая в 2010 году, закончилась провалом. Основные аргументы, выдвигаемые против «упорядочивающих» действий городской администрации, сводились к упрекам в авторитаризме и произволе, уничтожении малого бизнеса и своекорыстии. Хотя в этих доводах было много демагогии, они выглядели убедительно, поскольку не противоречили управленческой практике Москвы.

Рис. 2. Репутационное «давление» места как следствие социального воображения

Источники: Итоги ВПН-2010, База данных московского риелторского агентства ЦИАН, 2018 (www.cian.ru); ЦИК РФ (www.cikrf.ru).

Индекс «репутационного давления места» является расчетным показателем, учитывающим соотношение следующих параметров: 1) ценовой структуры рынка недвижимости, 2) среднедушевого объема располагаемой жилищной собственности, 3) уровня образования населения (культурный капитал), 4) политических предпочтений как индикатора соотношения «конформизма / открытости изменениям». Подробное описание методики дано в: [Вендина, Панин, Тикунов, 2019].

ровались на структуру социального пространства города, чем на его физическую морфологию, игнорируя очевидные ограничения. Репутация мест и районов в этой схеме работала как своеобразный ценовой коэффициент: одинаковое по качеству жилье в окружении одинаковой застройки, но находящееся в разных частях города, имело сильно различающуюся стоимость. Той же логике подчинялись и действия городской администрации, реализующей общезначимые градостроительные проекты – от реконструкции пятиэтажного жилого фонда и реновации исторического центра до возведения башен Москва-Сити и от строительства транспортных развязок до ремонта дорог. Инвесторы охотно вкладывались в начинания правительства Москвы, если те были «привязаны» к наиболее ценным, с точки зрения жителей города, территориям (рис. 2). Избирательная трансформация городского пространства российской столицы стала наглядным проявлением того, что П. Бурдьё называл символической властью, то есть властью «заставлять» воспринимать окружающий мир определенным образом, верить в правильность такого восприятия и действовать в соответствии с этой верой [Бурдьё, 2007, с. 95].

Трудно судить, в какой мере символическая составляющая городской политики была отрефлексирована на уровне городского руководства и градостроительных институций, скорее ее рационализации способствовало глубоко укоренившееся представление о наличии у города «генетического кода», детерминирующего «характер освоения того или иного планировочного направления» [Гутнов, 1984, с. 183], а также не подвергаемое сомнению убеждение в «естественности» пространственного порядка, отражающего неравномерность территориального развития и социально-имущественное неравенство. Поэтому, несмотря на то что эгалитарная среда социалистической Москвы служила серьезным препятствием сегрегации, этот процесс постепенно набирал обороты. Наряду с «элитными» кварталами и «позолоченными гетто» в российской столице сформировался рынок «дешевого» жилья, удовлетворявшего потребность трудовых мигрантов в крыше над головой (рис. 3).

Заговорили об этнических анклавах и даже гетто, поскольку в миграционном потоке постоянно росла доля выходцев из республик Северного Кавказа, государств Средней Азии и Южного Кавказа

Рис. 3. Расселение в Москве лиц, не имеющих российского гражданства, 1999–2003 годы

Источник: База данных ЗАГС за 1999–2003 годы, включающая регистрационные сведения о рождаемости, смертности, вступлении в брак и расторжении брака в Москве. Карта построена автором на основании данных о новорожденных, родители которых постоянно или временно проживают в Москве и имеют гражданство других стран, и представляет пространственную экстраполяцию данных за пять лет (N = 9500 адресов). Более детально см.: [Вендина, 2005; Иммигранты в Москве, 2009; Социальный атлас Москвы, 2013].

[Вендина, 2005]. На карте города четко обозначились ареалы неблагополучия, на привычные городские проблемы наложился межгрупповые конфликты, имеющие этническую составляющую. Двадцатилетие господства предпринимательской идеологии привело к тому, что городское планирование в Москве приняло догоняющий характер, не поспевая за стихийными изменениями. Город рос и изменялся невероятными темпами. То, что в начале эпохи воспринималось как знаки обновления, трансформировалось в ощущение тупика. Характеристика российской столицы в начале 2010-х годов изобиловала такими словами, как «перенаселенность», «перегрузка», «коллапс», «бесконтрольность», «беспредел», «безответственность», «неуправляемость» и пр. Доминирование самоорганизации обернулось беспомощностью перед лицом хищнического отношения к городской земле. Требовались радикальные перемены.

Расширение Москвы: апофеоз издержек советского и предпринимательского урбанизма

Летом 2012 года произошло двукратное расширение территории Москвы, ошеломившее ее жителей и все экспертное общество. Если отвлечься от закулисных

интриг и аргументов продавливания интересов строительного бизнеса, это был шаг, совмещавший административное отчаяние с административными амбициями. Наблюдаемый кризис городского развития не позволял реализоваться стремлению повысить мировой статус Москвы до уровня глобального города. Ни советский, ни постсоветский урбанизм не имели в своем арсенале адекватных «терапевтических» методов решения накопившихся проблем. Выход виделся в строительстве «новой Москвы» на новом месте, мирового финансового центра, куда перемещалась «значительная доля административных функций федерального уровня и, соответственно, государственных учреждений»⁶, и города с нулевыми выбросами углерода. Всерьез обсуждался вопрос о переезде институтов федеральной власти в поселок Коммунарка. Предполагалось также, что административное включение в состав Москвы части территорий Московской области позволит преодолеть проблемы перенаселенности столицы и транспортных пробок, обеспечив город новыми рабочими местами и квадратными метрами жилья. Дополнительным эффектом должно было стать разрешение застарелого противоречия между функциональным единством Московской агломерации и ее разделением на две административные единицы – Москву и Московскую об-

6. Из выступления Д. А. Медведева на Петербургском международном экономическом форуме 2011 года. Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/11601>.

ласть, инкапсулированные в своих границах.

Принятое решение обнажило фундаментальную слабость постсоветской практики территориального планирования. Как наследница советской системы, сложившейся в условиях единого и единственного субъекта целеполагания, выполнявшего к тому же контрольные функции, она не имела опыта согласования интересов и опиралась на модели территориального развития, придуманные в градостроительных институтах. Усилия высокопрофессиональных экспертов по обоснованию генпланов и проектов были направлены на ограничение возможных альтернатив и выбор оптимальных вариантов. В постсоветские годы, когда произошел взрывной рост числа субъектов, публично заявлявших о своем праве на участие в принятии решений, односторонность этой системы проявилась со всей очевидностью. Попытки противопоставить привычным генпланам документы стратегического планирования как своего рода межсубъектные городские конвенции были не слишком успешными и тяжело воспринимались управленцами и обществом. Поэтому, когда двукратное расширение территории Москвы потребовало конкретной программы действий, городские власти, нуждаясь одновременно в свежих идеях и авторитетных мнениях, не возлагали особых надежд на «домашних» экспертов и объявили международный конкурс⁷. В московской практике подобный шаг предпринимался только однажды – в 1932 году. Тогда замыслили превратить Москву в символ победы коммунизма, сегодня – в мировой центр регулирования финансовых потоков и политических процессов.

Прологом московского конкурса на разработку Проекта концепции развития Большой Москвы были международные консультации правительства Франции с ведущими архитектурными бюро страны и мира на тему современных вызовов развитию Большого Парижа⁸. Они прошли в 2007–2008 годах, имели футуристический характер и получили широкий резонанс

в мире. Московский конкурс ставил практические цели, длился девять месяцев и три из девяти команд-участниц имели за плечами опыт парижских консультаций. Наиболее продуктивной частью конкурсной работы были тематические семинары, где высказывались критические соображения и проходил профессиональный обмен мнениями. Результатом многомесячного мозгового штурма стал пересмотр приоритетов московской городской политики. Если исходным мотивом проведения конкурса была необходимость повышения конкурентных качеств Москвы как глобального города, то по его завершении приоритет был отдан развитию города как места для жизни. В качестве альтернативы экспансионистской модели расширения Москвы было предложено обратить внимание на ее внутреннее переустройство. Практически во всех конкурсных проектах подчеркивалось наличие огромного парка неэффективно используемых городских земель, сравнимых по площади со вновь присоединенными территориями. В противовес тренду массовой автомобилизации и строительству скоростных магистралей, фрагментирующих городское пространство, был сделан акцент на усилении связанности кварталов, развитии общественного транспорта и пешеходной доступности. Новым урбанистическим кредо стала «комфортная городская среда». Ни бизнес, ни тем более низовая самоорганизация не могли решить задачу реформирования пространства Москвы, исходя из принципа комфортности, то есть сочетания красоты, функциональности, удобства, дружелюбности, контактности, доступности и безопасности. Городское планирование вернуло себе роль главного инициатора и регулятора территориальных изменений.

Программа «нового урбанизма»: прямые следствия и побочные эффекты

Новый период в развитии Москвы более всего соответствует программе «нового

7. Директор Центра региональных исследований НИУ ВШЭ И. Н. Ильина выразила эту мысль достаточно прямо. «Одним из основных условий конкурса, – сказала она, – было международное участие. Наверное, российским специалистам не очень доверяют, считая, что многие проблемы Москвы возникли из-за них». Интервью: ВШЭ сделает Москву Большой. 23 марта 2012 года // Новостная служба портала ВШЭ: <https://www.hse.ru/news/community/49766439.html>.

8. Полное название конкурса – Le Grand Pari de l'agglomération parisienne. Consultation internationale pour l'avenir du Paris métropolitain или сокращенное Le Grand Pari(s) – содержит в себе игру слов и переводится как «Большое пари для Большого Парижа». При этом в понятие «большого пари» вкладывался смысл судьбоносного выбора, а Большого Парижа – метрополитенского ареала, который простирался за пределы Парижской агломерации.

урбанизма» – движения, получившего концептуальное и институциональное оформление в начале 1990-х годов, хотя развиваемые его сторонниками идеи возникли много раньше. Уже в 1960-х было осознано, что «живые формы» городской жизни, связанные с самоорганизацией населения и соседскими сообществами, оказались подавлены интенсивной урбанизацией. Город как сеть непосредственных человеческих отношений «умирал», что стало темой широко известной книги Дж. Джекобс [Джекобс, 2011], за которой последовали публикации многих других выдающихся урбанистов [Lefebvre, 1970; City for People, 2012; Lynch, 1981; Katz, 1994; Harvey, 1997]. Их авторы придерживались морально-этических императивов, связывая воедино городские формы и человеческие ценности. Они ставили перед собой задачу вывести городской социум из оцепенения и претендовали, как писал А. Лефевр в своем манифесте «нового урбанизма», на «создание форм социальной жизни, которые бы соответствовали или даже превосходили спонтанно рожденные в городах в ходе их истории» [Lefebvre, 1970, р. 184]. На практике этот посыл вылился в инструментальное соединение схем пространственной организации традиционного города и разнообразия повседневных практик постиндустриального общества [Dunham-Jones, 2000]. Доступными проектировщику средствами достижения этой цели были смешение (а не разделение) городских функций, уплотнение сети улиц и городских кварталов, поддержка пешеходной доступности и соседских взаимодействий [Duany, Plater-Zyberk, 1991; Charter, 1999; Gehl, 2010, 2011] – все то, от чего радикально отказался модернизм в начале XX века.

Сторонникам «нового урбанизма» пришлось прокладывать путь к признанию через серьезную профессиональную критику [Ellis, 2002; Garde, 2020]. Во-первых, их упрекали в универсализме подходов, лишаящих города аутентичности. Дело не столько в стандартизации архитектурных приемов, приводящих к унификации городской среды, сколько в выхолащивании сути реальной жизни, замещении участия в создании локальных практик потреблением искусственно поддерживаемой уличной жизни, имитирующей эти практики [Sander, 2002; Zukin,

2010]. Во-вторых, в средовом детерминизме, предполагающем улучшение общества средствами территориальной организации. В этом смысле «новый урбанизм» мало чем отличается от модернизма, которому он себя противопоставляет [Lynch, 1981; Robbins, 1998; Ford, 1999; Hirt, 2009]. В-третьих, в стремлении сделать повседневную жизнь людей более приятной и комфортабельной, игнорируя при этом отношения власти, проблемы бедности и неравенства, что фактически сводит «новый урбанизм» до уровня маркетингового приема [Harvey, 1997; Grant, 2006; 2007; Garde, 2004; Zukin, 2010; Song, Knaap, 2003].

Несмотря на критику, на сегодняшний день это самая авторитетная идеология городского развития. Ее быстрому продвижению в российской столице способствовали:

а) близость идей «нового урбанизма» и принципов «нового градостроительного мышления», сформулированных российскими архитекторами еще в 1970-х годах [Гутнов, 1984];

б) открытость городской администрации, привлечшей к работе над переустройством публичного пространства Москвы датское консалтинговое бюро Gehl Architects – одного из лидеров «нового урбанизма» [City of People, 2012]⁹;

в) сходство идейных позиций, занимаемых разными участниками конкурса, на концепцию развития «Большой Москвы».

Новые доминанты московского градостроительства можно свести к следующим пунктам:

- неотрадиционализм вместо модернизма: возвращение к системе улиц и дробление внутриквартальных пространств московских микрорайонов;
- плотность и разнообразие городской среды, социальная коммуникативность взамен социальной нормативности;
- вытеснение автомобиля из тесной исторической части города;
- право на комфортную среду жизни и самовыражение через активность: «город для всех» и «город для каждого»;
- экологичность: «зеленый город», электрический общественный транспорт и возвращение трамвая;
- цифровая Москва и умный город.

9. Основные соображения Яна Гейла относительно Москвы представлены в его лекции «Москва некрасива и малопригодна для жизни», прочитанной в Институте архитектуры и дизайна «Стрелка» в июле 2013 года: <https://republic.ru/posts/1/970005>.

Изменения, произошедшие в городе после 2013 года, указывают как минимум на три кардинальных сдвига в системе представлений, определяющих градостроительную политику и ее наполнение конкретными проектами. Во-первых, декларируемая приоритетность «права на комфортную среду» изменила отношение к публичным пространствам Москвы. Если на заре советской власти они рассматривались как общее достояние и места общественно-политических репрезентаций, то на закате – как «ничья» территория. В период доминирования предпринимательского подхода их пресловутая бесхозность воспринималась как деньги, валяющиеся под ногами. «Новый урбанизм» придал публичным пространствам значение городской сцены. Произошло возвращение к идеалу «города-сада». Символом смены приоритетов стало создание парка «Зарядье» на месте пустыря, оставшегося после сноса гостиницы «Россия» и несостоявшегося коммерческого проекта строительства псевдоисторической Москвы с сувенирными лавками и мини-отелями.

Во-вторых, радиально-кольцевая планировка Москвы перестала рассматриваться как средневековый пережиток и «удавка» на шее современного и динамично развивающегося города. На смену идее разрыва колец и хордовых магистралей пришла мысль о кольцах как наиболее эффективном и экономном способе обеспечения проницаемости и связанности городского пространства. Превзошедший все ожидания социально-экономический успех Московского центрального кольца (МЦК), которому предрекали судьбу городского аттракциона, подтверждает этот тезис. Строительство транспортных хорд и диаметров, ранее пропагандируемое в качестве альтернативы кольцам, стало рассматриваться как дополнение к ним в рамках единой транспортной системы города.

В-третьих, произошел отказ от центр-периферийной модели пространственной организации Москвы в пользу идеи относительности и повсеместности проявлений центральности и периферийности. Схема «деловой центр – спальная периферия», сложившаяся в российской столице к концу 1960-х годов, критиковалась еще в советские годы. В качестве альтернативы предлагалась концепция города как системы центральных мест, ориентированных на запросы локального населения [Гутнов, 1984]. В постсоветские годы данный тезис стал казаться неопровержимым [Эм, 2017;

Новиков и др., 2016]. Однако логика полицентричности вошла в противоречие с логикой «нового урбанизма», поскольку первую невозможно реализовать без некоторого замыкания кварталов в себе и их ориентации на «свои» центры, а вторая предполагает открытость, плотность и связанность городской среды. С позиции «нового урбанизма» понятие центральности должно учитывать не только разнообразие функций, но и разнообразие социальных позиций, а периферийности в принципе не должно существовать в чрезвычайно ценном и тесном городском пространстве как пространстве социальной, экономической и физической непрерывности.

Под влиянием происходящих изменений существенно изменились и приоритеты самоорганизации. Важным постулатом «нового урбанизма» является стимулирование социальной активности через поддержку необязательных видов деятельности, выходящих за рамки повседневной рутины и жизненной схемы «дом – работа – дом». Необязательная деятельность включает в себя все формы досуга и развлечений, связанных с реализацией широкого круга жизненных потребностей, таких как прогулки, общение, взаимодействие, созерцание, новые впечатления, культурный рост, самообразование, увлечения и пр. Очевидно, что наиболее включенными в необязательную деятельность являются те, кто имеет запас свободного времени, то есть лица старших возрастов и молодежь, не обремененная семьей. Также очевидно, что эти категории москвичей являются носителями разных жизненных укладов, социального опыта и стиля поведения. Представители старших поколений обладают устоявшейся системой взглядов и привычек, чего не скажешь о молодежи, восприимчивой к социально-политическим изменениям и внешним влияниям [Мангейм, 1998; 2000; Howe, Strauss, 2007; Волков, 2020]. Информатизация общества делает межпоколенческие различия еще более контрастными. Это позволяет рассматривать сдвиги в системе ценностных ориентиров молодежи в качестве индикаторов изменения трендов пространственной самоорганизации. Речь, прежде всего, идет о поколении миллениалов 1982–2000-х годов рождения и следующем за ним поколении зумеров. Среди длинного перечня черт, отличающих их от родителей [Радаев, 2020а; 2020б; Волков, 2020; Гудков, 2020; Забурдаева, 2020], выделим три, наиболее существенные для рассма-

триваемой темы: рост значимости досуга, погруженность в онлайн-коммуникации и изменение характера потребления.

Рост значимости досуга для российской молодежи подтверждается данными массовых опросов, которые фиксируют превращение необязательной деятельности (встречи, кафе, рестораны, театры, выставки, спорт и фитнес) в насущную и повседневную потребность [Радаев, 2020б]. Гедонистическое отношение к жизни переносится и на работу, которая должна нравиться и обеспечивать доходы, не отнимая много сил¹⁰. Проекция этого ценностного сдвига на городское пространство может означать, что при выборе места жительства предпочтение отдается удобству его расположения относительно мест развлечений, а не мест работы. Однако наиболее привлекательная часть столицы с точки зрения плотности и разнообразия инфраструктуры досуга является наименее доступной с точки зрения покупки или аренды жилья. Поиск баланса между желаемым и возможным предопределяет «оседание» молодежи вблизи условных границ центра. Если эта гипотеза подтвердится не только отдельными наблюдениями, рассказами и интервью, но и данными переписи населения 2021 года, то можно ожидать, что данный тренд городской самоорганизации приведет к росту социокультурной однородности периферии исторической Москвы.

Второй сюжет – погруженность в онлайн-коммуникации; современные социальные сети для молодежи стали не только средством общения, но и жизненным пространством, площадкой дружбы, знакомств, свиданий, обретения известности, общественного признания, поощрения, порицания, выражения протеста. Виртуализация социальных отношений дарит их субъектам ощущение вовлеченности в происходящие процессы и одновременно возможность в любой момент «выйти из игры», поддерживать личную автономию, минимизируя конкретность своих обязательств и практических действий. Этот новый социальный порядок превращает институт локальных сообществ, который опирается на контакты «лицом к лицу», в уходящую натуру. Однако, абстрагируясь от отношений с соседями и охраняя свою автономию,

молодежь тем не менее хочет иметь некоторые гарантии благоприятности окружения, что делает их одновременно адептами и заложниками общественных стереотипов о «хороших» и «плохих» местах в городе. В этом смысле усилия институтов городского планирования по развитию проблемных районов наталкиваются на стену социальных предубеждений, которые воспроизводятся в молодежной среде.

Не менее значимое влияние на городское пространство оказывает и изменение характера потребления. Дело не в структурных параметрах (как свидетельствуют опросы, перемены касаются в основном расширения потребления гаджетов и бытовой техники [Гудков, 2020]), а в отчетливом сдвиге от ценностей обладания к ценностям пользования. Это не только аренда жилья, велосипеды или каршеринг, но и приоритет, отдаваемый не вещам, а путешествиям, интеллектуальному росту и здоровому образу жизни. Из этого не следует, что молодые люди готовы отказаться от собственности, к которой так стремились их родители, но для них собственность – это не показатель успеха, зажиточности и статуса, а источник ренты. Ее наличие – преимущество, позволяющее исполнять желания и не чувствовать себя стесненным в средствах. Стратегия рантье реализуется не только в случае полученного наследства, но и покупки квартиры, как правило небольшой студии на окраинах Москвы или в ближнем пригороде. Хотя подавляющее большинство молодых людей не располагают средствами, позволяющими инвестировать в рынок недвижимости, они являются активными участниками совершаемых сделок¹¹. Доходы от сдаваемого в аренду жилья превышают или сравнимы с ежемесячными выплатами по ипотеке, а личные затраты, связанные со стоимостью владения, минимизируются. Данная поведенческая стратегия способствует формированию ареалов концентрации арендного жилья в новостройках окраин и пригородов Москвы. Основной спрос на такое жилье, нередко недостаточно обустроенное и имеющее самые рудиментарные удобства, предъявляют трудовые мигранты [Варшавер, Рочева и др., 2020]. Накапливающиеся изменения «расшатывают» советский

10. 30 фактов о современной молодежи. Исследование Сбербанка и Validata, 2017: https://youngspace.ru/wp-content/uploads/2017/03/158487_youth_presentation.pdf.

11. В 2020 году среди покупателей квартир на первичном рынке жилья на долю лиц в возрасте 25–40 лет приходилось около 40%, а на вторичном – 55%. Риелторское агентство «Инком Недвижимость»: <https://www.incom.ru/novosti-i-analitika/my-v-presse/opredelena-osnovnaya-kategoriya-pokupateley-kvartir-v-moskve/>.

(эгалитарный) пространственный порядок, повышая шансы его разрушения и формирования мигрантских кварталов.

Очень похоже, что сочетание изменений, затронувших систему городского планирования под воздействием программы «нового урбанизма», и трендов самоорганизации населения ведет не только к обновлению физического пространства Москвы, но и к реконфигурации ее пространства социального. На смену структуре, унаследованной от советской эпохи, отличительной чертой которой была взаимная конвертируемость социально-культурного и имущественного капиталов, приходит более жесткая схема, основанная на сегрегации. Берусь предположить, что возникающий на наших глазах пространственный паттерн будет подобен слоеному пирогу. Между благоустроенным центром, отличающимся высокой плотностью и разнообразием городской жизни, и фрагментированной разнородной периферией – открытой дверью вхождения мигрантов в московский социум – окажется прослойка сравнительно однородных в социальном отношении кварталов, визитной карточкой которых станет более выраженное присутствие молодых и социально-благополучных москвичей.

Заключение

Особенности эволюции доминирующих моделей городского развития в постсоветской Москве и трансформации ценностных установок, «руководящих» действиями власти, бизнеса и жителей города, довольно убедительно показывают, что тренды формирования физического и социального пространства могут существенно различаться, будучи взаимосвязанными, они не обязательно идентичны. Эти различия проявлялись даже в советской Москве в условиях безусловного доминирования институтов городского планирования и унификации жизненных стандартов. Предписываемый «сверху» эгалитарный порядок подрывался «низовой» самоорганизацией, работавшей на социокультурную и имущественную дифференциацию городской среды. В постсоветские годы латентная структура социально-пространственных различий вышла на поверхность, став ориентиром городской политики, ведомой интересами бизнеса. Восстановление рыночных отношений способствовало преодолению эффекта расслоения физической и воображаемой реальности, изменился и характер взаимодействия двух

способов пространственного упорядочивания городского развития. Если в советские годы между ними наблюдалось явное противоречие, то сегодня эта коллизия изжита, усилия проектировщиков в значительной мере соответствуют социальным трендам, сочетая учет имущественной дифференциации с идеями города как арены публичной жизни. Пока трудно судить, насколько позитивным будет этот опыт и насколько велики издержки «нового урбанизма», с уверенностью можно говорить только о подтверждении гипотезы, выдвинутой в начале статьи: население Москвы оказывает существенное, хотя и опосредованное влияние на территориальное развитие города. Проводником влияния населения являются не столько институты гражданского общества, локальные сообщества и местные советы депутатов, сколько бизнес, проецирующий стереотипы общественного мнения на городское пространство и закрепляющий их в символически значимых проектах. Иначе говоря, помимо инфраструктурного каркаса города, градообразующие функции которого подробно описаны А.Э. Гутновым, существует и виртуальный «каркас», создаваемый воображением людей, притягивающий инвестиции и «обрастающий» пластичной тканью.

Проведенный анализ показывает:

1. Феномен упорядочивания пространственного развития города не является исключительным следствием деятельности институтов власти и городского планирования. Выполнение задуманного в кабинетах архитекторов и планировщиков далеко не всегда приводит к ожидаемому результату, прежде всего потому, что в этот процесс вмешиваются действия других субъектов городского развития, включая обычных горожан. Хотя такое вмешательство нередко рассматривается как неправильное, хаотичное или протестное, оно создает неформальную институциональную среду, отвечающую сложившимся социальным отношениям, то есть определенному социально-нормативному порядку. Такой порядок опирается не на официально принятую идеологию градостроительства, внешнюю по отношению к частной жизни и меняющуюся вместе со сменой власти, и не на загадочный «генетический код» города, а на сходство мотивов поведения людей. Механизмы его формирования хотя и подчинены физической морфологии города, задачам жизнеобеспечения и экономического развития, имеют вероятностный характер и зависят от многих не-

контролируемых обстоятельств, связанных с личным выбором. Советский опыт показывает, что такой неформальный порядок может длительное время существовать в подавленном состоянии и слабо проявляться в материальных объектах, что не мешает городским жителям ориентироваться в устанавливаемых им правилах, границах и различиях. Хотя воображаемая структура города более подвижна и менее долговечна, чем его транспортный, производственный или инфраструктурный каркас, она устойчива, обладает способностью к воспроизводству и оказывает значимое влияние на развитие города, тормозя, консервируя или ускоряя трансформационные процессы.

2. Существующая дихотомия городское планирование / городская самоорганизация, закрепляющая за первым понятием представление об институтах управления, а за вторым – низовую активность населения, неточно описывает фактическую ситуацию. Тенденции пространственной самоорганизации, то есть стремления к установлению пространственного порядка, соответствующего групповым интересам, прослеживаются в действиях всех ключевых агентов городского развития – власти, бизнеса и населения. Доступными для всех являются и инструменты городского планирования, без которых сегодня невозможна реализация даже не слишком крупных проектов. Все более широкое применение находят и технологии вовлечения местных жителей в разработку планов реконструкции жилых домов и благоустройства. Конечно, профессионализм проектировочной деятельности и масштабы ее использования сильно различаются, но она не является исключительной прерогативой власти, наводящей порядок в мире городского хаоса.

3. Городское планирование и городская самоорганизация – *взаимозависимые* процессы, поскольку самоорганизация происходит в рамках пространственных структур, заданных городской планировкой, а планирование учитывает символическую значимость и рыночную ценность мест, детерминированную историческим развитием и самоорганизацией. Эта двойственность приводит к периодической смене ролей: кризис городского управления и демократизация принятых практик открывают возможности для наступления эры самоорганизации, а борьба с проявлениями городского «своеволия» и стремление ввести его в регулируемое русло ведет к укреплению и централизации си-

стемы городского планирования. Вместе с тем городское планирование и городская самоорганизация обладают значительной *автономией* в силу различия целевых установок действующих акторов, ориентации на решение общегородских задач либо на частные интересы. Автономность и избирательность как характеристики проактивной деятельности практически всегда создают противовес потенциально возможной гармонизации частных и общих интересов, тем более что такие управленческие инструменты, как принуждение к установленному порядку, находятся не только в арсенале институтов власти, вырабатывающих нормативно-правовые регламенты. Сходные функции выполняет наделение различных участков городского пространства различающимися характеристиками, которые воспринимаются как значимые жизненные детерминанты и «дают» на выбор места жительства, размещение различных объектов, проекты и пр. В этом смысле «управляемые» выступают в роли «управляющих» и навязывают свою волю остальным, хотя сами они полагают, что от них ничего не зависит.

Признание взаимозависимости и автономности городского планирования и городской самоорганизации ставит вопрос о приоритетных коалициях, формирующих московский городской режим. Опыт последнего тридцатилетия показал, что гегемония альянса власти и бизнеса (в советское время – партии и индустрии) как наиболее значимых агентов изменений завела развитие Москвы в тупик. Поиски выхода из кризиса не имели особого успеха: и радикальный отказ от реформирования советской градостроительной практики, и пространственная экспансия города, воспроизводящая прежнюю систему отношений на новом месте, выглядели скорее разрушительными, нежели созидательными экспериментами. Более эффективным оказался третий путь – сначала интуитивного, а затем целенаправленного расширения властной коалиции за счет включения в нее новых групп влияния и более дифференцированного представления о структуре населения города и его потребностях. В период доминирования концепции «предпринимательского города» издержки ее имплементации частично компенсировались за счет учета интересов наименее мобильной части московского социума, прежде всего пенсионеров и детей. Советы разнообразных ветеранов были наиболее влиятельной общественной силой, артикулировавшей запрос на сохранение доступ-

ности привычных городских благ в быстро меняющейся жизненной среде. Данный подход обеспечил преемственность советской и постсоветской Москвы, но со временем утратил свою адекватность. «Новый урбанизм» сменил адресата, ориентируясь на наиболее мобильную часть населения как среди молодых, так и немолодых москвичей. Комфорт, доступный ранее только «за деньги», стал доступен и без них, что демократизировало городскую жизнь на фоне монетизации социальной сферы. Наряду с этим, как и предсказывали скептики, произошло замещение гражданского участия участием в уличной жизни, публичной политики – городским популизмом. Поэтому игра городского планирования и городской самоорганизации далеко не завершена, а ее новейшие последствия пока слабо прочитываются.

Источники

- Ахиезер А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. №2. С. 89–100.
- Баевский О. А. (2016) Территориальное планирование и проектирование на основе исследования пространственной структуры города: курс лекций. М.: ГУ-ВШЭ, ВШУ им. А. А. Высоковского.
- Бакштейн И. М., Барбаш Н. Б., Высоковский А. А., Савкин К. М. (1991) Социально-территориальная дифференциация и районирование города (на примере Калуги) // Прогнозное проектирование и социальная диагностика. М.: Институт социологии АН СССР. С. 153–168.
- Барбаш Н. Б. (1986) Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. М.: ИГАН СССР.
- Боков А. (2019) Среда: вчера, сегодня, завтра // Строительный эксперт. Электронный источник. Режим доступа: <https://ardexpert.ru/article/15414> (дата обращения: 1.12.22).
- Бурдые П. (2007) Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. (2020) Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 225–253.
- Вендина О. И. (2005) Мигранты в Москве. Грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: ЦМИ.
- Вендина О., Альберт А., Прихудаилова А. (2012) Социальный атлас Москвы // Проект Россия. № 66.
- Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. (2019) Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. № 6. С. 3–17.
- Вешнинский Ю. Г. (1998) Социокультурная топография Москвы: от 1970-х к 1990-м. // Москва и «московский текст» русской культуры: сборник статей. М.: РГГУ. С. 198–225.
- Вишневский А. Г. (1992) На полпути к городскому обществу // Человек. № 1. С. 12–24.
- Вишневский А. Г. (1998) Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ.
- Волков Д. (2020) Отличия молодых россиян от представителей старших поколений: результаты социологического мониторинга // Вестник общественного мнения. № 1–2. С. 122–129.
- Высоковский А. А. (1986) Пространственное прогнозирование застройки сложившихся городов. Сер.: Гражданское строительство и архитектура. М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре.
- Высоковский А. А. (1998) Точка отсчета городского пространства // Человек и город: пространство, формы, смысл. Материалы международного конгресса Международной ассоциации семиотики пространства: сб. статей в 2 т. Екатеринбург: Архитектон. Т. 2. С. 85–88.
- Высоковский А. А. (2008) Визуальные образы городской среды. М.: Локус Стэнди.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. (2008) Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма.
- Гельман В. Я. (2018) Исключения и правила: «истории успеха» и «недостойное правление» в России // Общественные науки и современность. № 5. С. 46–58.
- Глазычев В. (1996) Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. М.: Аргус. Режим доступа: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 1.12.22).
- Городская среда (1989) сб. статей в 2 ч. / Под ред. А. А. Высоковского и Г. З. Каганова. М.: ВНИИТАГ.
- Градоустройство (1998) Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон: сб. науч. тр. в 2 кн. / Отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Ин-т психологии РАН.
- Гостев М. (2022) Неравномерно-районированная модель города: истоки – развитие – применение – влияние // Городские исследования и практики. Т. 7. № 1. С. 106–125.
- Гудков Л. Д. (2020) Преемственность и изменения в поколении 2000–2020 гг. // Вестник общественного мнения. № 3–4. С. 134–179.
- Гутнов А. Э. (1984) Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат.
- Джекобс Дж. (2011) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Иконников А. В. (2001–2002) Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М.: Изд. «Прогресс-Традиция».
- Иммигранты в Москве (2009) Отв. ред. Ж. Зайончковской. М.: «Три квадрата».
- Коган Л. Б. (1990) Быть горожанами. М.: Мысль.
- Коган Л. Б. (1993) Демократия без городов? Новосибирск: Изд. «Полис».
- Коршунов Б. А. (1926) Новейшие взгляды на городское строительство. Ле Корбюзье, урбанизм // Строительная промышленность. № 2. С. 147–148.

- Коэн Ж.-Л. (2012) Ле Корбюзье и мистика СССР. Теория и проекты для Москвы, 1928–1936. М.: Арт-Волхонка.
- Кудрявцев Ф.С. (2021) Градостроительное планирование в эру больших данных, масштабов и скорости изменения городов//Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. М.: Геогр. ф-т МГУ. С. 28–48.
- Ле Корбюзье (1970) Архитектура XX века/пер. с фр. В.Н. Зайцева, под ред. К.Т. Топуридзе. М.: Прогресс.
- Ле Корбюзье (1976) Три формы расселения. Афинская Хартия/пер. с фр. Ж. Розенбаума, послесловие Ю. Бочарова и А. Раппарта. М.: Стройиздат.
- Ледяев В.Г. (2008) Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования//Политическая наука. № 3 «Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт». М.: ИНИОН РАН. С. 32–60.
- Мангейм К. (1998). Проблема поколений//Новое литературное обозрение. № 2. С. 7–47.
- Мангейм К. (2000) Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции/Пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН.
- Медведков Ю.В. (1978) Человек и городская среда. М.: Наука.
- Медведков Ю.В. (1980) Динамизм городской среды, выявляемый социальной географией//Вопросы географии. № 115. С. 141–154.
- Новиков А., Котов Е., Гончаров Р., Никогосян К., Городничев А. (2016) Москва: курс на полицентричность. Оценка эффектов градостроительных проектов на полицентрическое развитие Москвы. М.: МУФ.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Центр гуманитарных технологий, 1997. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310> (дата обращения: 1.12.22).
- Письмо Корбюзье Гинзбургу и ответ Гинзбурга (1930)//Современная архитектура. № 1–2. С. 61–62.
- Прогнозное социальное проектирование и город: сб. науч. тр. в 4 т. (1994–1995). М.: Ин-т социологии РАН.
- Эм П. (2017). Большой город как самостоятельная система центральных мест (на примере Москвы)//Региональные исследования. Т. 57. № 3. С. 34–42.
- Bodenschatz H., Sassi P., Guerra W.M. (eds.) (2015) Urbanism and Dictatorship: A European Perspective. Basel, Switzerland: Birkhäuser Verlag GmbH.
- Bond S., Thompson-Fawcett M. (2007) Public Participation and New Urbanism: A Conflicting Agenda?//Planning Theory & Practice. Vol. 8. No. 4. P. 449–472.
- Castells M. (1996) The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK: Blackwell.
- Charter for the New Urbanism (1999) Congress for the New Urbanism. McGraw-Hill Professional, 1st ed.
- Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (eds.) (2012) City for People, Not for Profit. Critical Urban Theory and the Right to the City. London: Routledge.
- Dean M. (2009) Governmentality: Power and Rule in modern society. London: Sage Publications.
- Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2010) Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream. North Point Press, 10th Ann. ed.
- Duany A., Plater-Zyberk E. (1991). Towns and Town-making Principles. New York, NY: Rizzoli.
- Dunham-Jones E. (2000) New Urbanism as a Counter-Project to Post-Industrialism//Places. Vol. 13. No. 2. P. 26–31.
- Elden S., Crampton J.W. (2007) Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography. Aldershot: Ashgate.
- Ellis C. (2002) The New Urbanism: Critiques and rebuttals//Journal of Urban Design. Vol. 7. No. 3. P. 261–291.
- Falconer Al-Hindi K. (2001) The New Urbanism: Where and for Whom? Investigation of an Emergent Paradigm//Urban Geography. Vol. 22. No. 3. P. 202–219.
- Ford L.R. (1999) Lynch revisited: New Urbanism and Theories of Good City Form//Cities. Vol. 16. No. 4. P. 247–257.
- Foucault M. (2008). The Birth of Biopolitics. Lectures at the College de France, 1978–1979. London: Palgrave Macmillan.
- Foucault M. Governmentality//The Foucault Effect: Studies in Governmentality/G. Burchell, C. Gordon and P. Miller (eds.). Chicago, IL: University of Chicago Press. P. 87–104.
- Friedman J. (1996) The World City Hypothesis//Development and Change. Vol. 17. No. 1. P. 69–83.
- Garde A. (2004) New Urbanism as Sustainable Growth? A Supply Side Story and Its Implications for Public Policy//Journal of Planning Education and Research. Vol. 24. No. 2. P. 154–170.
- Gehl J. (2010) City for People. Washington DC: Island Press.
- Gehl J. (2011) Lift between Building: Using Public Space. Washington DC: Island Press.
- Grant J.L. (2006). Planning the Good Community: New Urbanism in Theory and Practice. NY: Routledge.
- Grant J.L. (2007). Two Sides of a Coin? New Urbanism and Gated Communities//Housing Policy Debate. Vol. 18. No. 3. P. 481–501.
- Gunko M., Kinossian N., Pivovar G., Averkieva K., Batunova E. (2021) Exploring Agency of Change in Small Industrial Towns through Urban Renewal Initiatives//Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. Vol. 103. No 3. P. 218–234.
- Harvey D. (1989) From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation in Urban Governance in Late Capitalism//Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. Vol. 71. No. 1. P. 3–17.
- Harvey D. (1997) The New Urbanism and the Communitarian Trap//Harvard Design Magazine. No. 1. Режим доступа: <http://www.harvard-designmagazine.org/issues/1/the-new-urbanism>

- nism-and-the-communitarian-trap (дата обращения: 1.12.22).
- Herrschel T., Newman P. (2017) Cities as International Actors. Urban and Regional Governance Beyond the Nation State. London: Palgrave.
- Hill D.M. (2000) Urban Policy and Politics in Britain. Basingstoke: Palgrave.
- Hirt S.A. (2009). Premodern, Modern, Postmodern? Placing New Urbanism into a Historical Perspective//Journal of Planning History. Vol. 8. No. 3. P. 248-273.
- Howe N., Strauss W. (2007) The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve//Harvard Business Review. Vol. 85. No. 7-8. P. 41-52.
- Katz P. (1994) The New Urbanism: Toward an Architecture of Community. NY: McGraw Hill.
- Laruelle M. (2020) Urban Regimes in Russia's Northern Cities: Testing a Concept in a New Environment//Arctic. Vol. 73. No. 1 (March). P. 53-66.
- Lefebvre H. (1967) Le Droit à la Ville//L'Homme et la société. No. 6. P. 29-35.
- Lefebvre H. (1970) Proposition pour un Nouvel Urbanisme//Lefebvre H. Du Rural à l'Urbain. Paris : Anthropos. P. 183-196.
- Lemke T. (2012) Foucault, Governmentality and Critique. Boulder, CO: Paradigm.
- Logan J., Molotch H. (1987) Urban Fortune: The Political Economy of Place. University of California Press, Berkeley.
- Lynch K. (1981) A Theory of Good City Form. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mossberger K., Stoker G. (2001) The Evolution of Urban Regime Theory: The Challenge of Conceptualization//Urban Affairs Review. Vol. 36. No. 6. P. 810-835.
- Nichols W.J. (2005) Power and Governance: Metropolitan Governance in France//Urban studies. Vol. 42. No. 4. P. 783-800.
- Purcell M. (2006) Urban Democracy and the Local Trap//Urban Studies. Vol. 43. No. 11. P. 1921-1941.
- Robbins E. (1998) The New Urbanism and the Fallacy of Singularity//Urban Design International. Vol. 3. No. 1. P. 1-10.
- Rose N. (1999) Powers of Freedom: Reframing Political Thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sander Th. (2002) Social Capital and New Urbanism: Leading a Civic Horse to Water?//National Civic Review. Vol. 91. No. 3. P. 213-234.
- Sassen S. (1991) The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Song Y., Knaap G.-J. (2003) New Urbanism and Housing Values: A Disaggregate Assessment//Journal of Urban Economics. Vol. 54. No. 2. P. 218-238.
- Stoker G., Mossberger K. (1994) Urban Regime Theory in Comparative Perspective//Environment and Planning C: Government and Policy. Vol. 12. No. 2. P. 195-212.
- Stone C. (2001) The Atlanta Experience Re-examined: The Link Between Agenda and Regime Change//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 25. No. 1. P. 20-34.
- Stone C.N. (1987) Summing up: Urban Regimes, Development Policy, and Political Arrangements//C.N. Stone and H.T. Sanders (eds.) The Politics of Urban Development. Lawrence: Univ. Press of Kansas. P. 269-90.
- Stone C.N. (1989) Regime Politics: Governing Atlanta 1946-1988. Lawrence: Univ. Press of Kansas.
- Taylor P. (2000) World City and Territorial States under Conditions of Contemporary Globalization//Political Geography. Vol. 19. No. 1. P. 5-32.
- Taylor P. (2004) World City Network: A Global Urban Analysis. New York: Routledge.
- Walters W. (2012) Governmentality: Critical Encounters. Routledge.
- Zukin Sh. (2010) The Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. New York: Oxford University Press.

**URBAN PLANNING AND SPONTANEOUS
SPATIAL ORDER: THE POST-SOVIET
TRANSFORMATION OF SPATIAL GUIDELINES
FOR THE DEVELOPMENT OF MOSCOW**

Olga I. Vendina, PhD in Geography, Leading Researcher at Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography RAS; 29 Staromonetny per., Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: vendina@igras.ru

Abstract. This article is devoted to the post-Soviet period of Moscow's development, when the principles of Soviet urban planning were replaced, first by the ideology of an entrepreneurial city, and then by new urbanism. The author investigates the mechanisms ordering the spatial development of the Russian capital against the background of an intense flow of poorly controlled changes and violations of many urban planning norms and rules. An assumption is made about the interaction of two relatively independent sources of spatial order—urban planning and spontaneous self-organization. Attention is paid to the shifts in the priorities of different stakeholders of urban development: authorities, businesses, and residents. The role of the population as a key agent of change is highlighted. In conclusion, the article highlights the deep contradiction associated with the autonomy and the interdependence of urban planning and spontaneous self-organization. The example of Moscow shows that the dominance of individual interest groups does not ensure the sustainable development of the city, regardless of who determines the city agenda—government institutions based on urban planning and regulatory regulations, businesses imposing their own logic of development, or “active Muscovites”. Despite the effect of adaptive self-regulation mechanisms, which smooth out the negative consequences of planning decisions and spontaneous self-organization, constant intellectual efforts are needed to identify the side effects of changes taking place in the city which reformat its physical and imaginary space.
Keywords: Moscow; urban planning; self-organization; spatial patterns; governance; urban models; socialist city; entrepreneurial city; new urbanism
Citation: Vendina O.I. (2022) Urban Planning and Spontaneous Spatial Order: The Post-soviet Transformation of Spatial Guidelines

for the Development of Moscow. *Urban Studies and Practices*, vol. 7, no 4, pp. 29–53. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp74202229-53>

References

- Akhiezer A.S. (2001) Arhaizaciya v rossijskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [Archaization in Russian society as a methodological problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], vol. 2, pp. 89–100. (in Russian)
- Baevsky O.A. (2016) Territorial'noe planirovanie i proektirovanie na osnove issledovaniya prostranstvennoj struktury goroda: kurs lekciy [Territorial Planning and Design Based on the Study of the Spatial Structure of the City: A Course of Lectures]. Moscow: State University Higher School of Economics, Higher School of Economics named after A.A. Vysokovsky. (in Russian)
- Bakshiteyn I.M., Barbash N.B., Vysokovsky A.A., Savkin K.M. (1991) Social'no-territorial'naya differenciaciya i rajonirovanie goroda (na primere Kalugi) [Socio-territorial Differentiation and Zoning of the City (in the Example of Kaluga)]. *Prognoznoe proektirovanie i social'naya diagnostika* [Projection Design and Social Diagnostics]. Moscow: Institute of Sociology of the USSR Academy of Sciences, pp. 153–168. (in Russian)
- Barbash N.B. (1986) Metodika izucheniya territorial'noj differenciicii gorodskoj sredy [The methodology of the study of territorial differentiation of the urban environment]. Moscow: IGAN of the USSR. (in Russian)
- Bodenschatz H., Sassi P., Guerra W.M. (eds.) (2015) Urbanism and Dictatorship: A European Perspective. Basel, Switzerland: Birkhäuser Verlag GmbH.
- Bokov A. (2019) Sreda: vchera, segodnya, zavtra [The environment: yesterday, today, tomorrow]. *Stroitel'nyj ekspert* [Stroitelnyy Expert]. Available at: <https://ardexpvol.ru/article/15414> (accessed 1 January 2022). (in Russian)
- Bond S., Thompson-Fawcett M. (2007) Public Participation and New Urbanism: A Conflicting Agenda? *Planning Theory & Practice*, vol. 8, no 4, pp. 449–472.
- Bourdieu P. (2007) Sociologiya social'nogo prostranstva [The

- Sociology of Social Space]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Svoil. Petersburg: Aletheia. (in Russian)
- Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (eds.) (2012) City for People, Not for Profit. *Critical Urban Theory and the Right to the City*. London: Routledge.
- Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK: Blackwell.
- Charter for the New Urbanism (1999) *Congress for the New Urbanism*. McGraw-Hill Professional, 1st ed.
- Cohen J.-L. (1992) *Le Corbusier and the Mystique of the USSR. Theory and Projects for Moscow, 1928–1936*. Princeton University Press.
- Dean M. (2009) *Governmentality: Power and Rule in modern society*. London: Sage Publications.
- Duany A., Plater-Zyberk E. (1991). *Towns and Town-making Principles*. New York: Rizzoli.
- Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2010) *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*, north Point Press, 10th Ann. ed.
- Dunham-Jones E. (2000) *New Urbanism as a Counter-Project to Post-Industrialism. Places*, vol. 13, no 2, pp. 26–31.
- Elden S., Crampton J.W. (2007) *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Aldershot: Ashgate.
- Ellis C. (2002) *The New Urbanism: Critiques and rebuttals*. *Journal of Urban Design*, vol. 7, no 3, pp. 261–291.
- Em P. (2017) *Bol'shoj gorod kak samostoyatel'naya sistema central'nyh mest (na primere Moskvy)* [A Big City as an Independent Central Place System, a Case Study of Moscow]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Research of Russia], vol. 57, no 3, pp. 34–42. (in Russian)
- Falconer Al-Hindi K. (2001) *The New Urbanism: Where and for Whom? Investigation of an Emergent Paradigm*. *Urban Geography*, vol. 22, no 3, pp. 202–219.
- Ford L.R. (1999) *Lynch revisited: New Urbanism and Theories of Good City Form*. *Cities*, vol. 16, no 4, pp. 247–257.
- Foucault M. *Governmentality. The Foucault Effect: Studies in Governmentality/G. Burchell, C. Gordon and P. Miller (eds.)*. Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 87–104.

- Foucault M. (2008). *The Birth of Biopolitics. Lectures at the College de France, 1978-1979.* London: Palgrave Macmillan.
- Friedman J. (1996) *The World City Hypothesis. Development and Change*, vol. 17, no 1, pp. 69-83.
- Garde A. (2004) *New Urbanism as Sustainable Growth? A Supply Side Story and Its Implications for Public Policy.* *Journal of Planning Education and Research*, vol. 24, no 2, pp. 154-170.
- Gehl J. (2010) *City for People.* Washington DC: Island Press.
- Gehl J. (2011) *Lift between Building: Using Public Space.* Washington DC: Island Press.
- Gelman V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. (2008) *Reforma mestnoj vlasti v gorodah Rossii, 1991--2006 [Local Government Reform in Russian Cities, 1991-2006].* Svol. Petersburg: Norma. (in Russian)
- Gelman V.Y. (2018) *Isklyucheniya i pravila: «istorii uspekha» i «nedostojnoe pravlenie» v Rossii [Exceptions and Rules: "Success Stories" and "Unworthy Rule" in Russia].* *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*, no 5, pp. 46-58. (in Russian)
- Glazychev V. (1996) *Slobodizatsiya strany Gardariki [The Slobodization of the Gardarik Country]. Inoe. Hrestomatiya novo-go rossijskogo samosoznaniya [The Other. Chrestomathy of the new Russian self-consciousness]*, vol. 1. M.: Publishing House Argus. Available at: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (access 1 January 2022). (in Russian)
- Gorodskaya sreda [Urban Environment] (1989) *Sb. statej v 2-h chastyah [Sb. of articles in 2 parts]/* Ed. by A.A. Vysokovskiy and G.Z. Kaganova. Moscow: VNIITAG. (in Russian)
- Gostev M. (2022) *Irregular Areas Urban Model: Genesis—Evolution—Application—Influence.* *Urban Studies and Practices*, vol. 7 (1), pp. 106-125. <https://doi.org/10.17323/usp712022106-125>. (in Russian)
- Gradoustrojstvo [City-planning] (1998) *Gradoustrojstvo: ot social'noj diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannyh storon.: sSb. nauch. tr. v 2-h kn. [City-Planning: From Social Diagnostics to a Constructive Dialog of the Interested Parties: Collection of Scientific Works in 2 parts]/*Ed. by V.M. Dridze. M.: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Grant J.L. (2007). *Two Sides of a Coin? New Urbanism and Gated Communities.* *Housing Policy Debate*, vol. 18, no 3, pp. 481-501.
- Grant J.L. (2006). *Planning the Good Community: New Urbanism in Theory and Practice.* NY: Routledge.
- Gudkov L.D. (2020) *Preemstvennost' i izmeneniya v pokolenii 2000-2020 gg. [Continuity and Changes in Generation 2000-2020].* *Vestnik obshchestvennogo mneniya [Bulletin of Public Opinion]*, no 3-4, pp. 134-179. (in Russian)
- Gunko M., Kinossian N., Pivovarov G., Averkieva K., Batunova E. (2021) *Exploring Agency of Change in Small Industrial Towns through Urban Renewal Initiatives.* *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 103, no 3, pp. 218-234.
- Gutnov A.E. (1984) *Evoljuciya gradostroitel'stva [The Evolution of Urban Planning].* Moscow: Stroyizdatvol. (in Russian)
- Harvey D. (1989) *From Managerialism to Entrepreneurialism: The Transformation in Urban Governance in Late Capitalism.* *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 71, no 1, pp. 3-17.
- Harvey D. (1997) *The New Urbanism and the Communitarian Trap.* *Harvard Design Magazine*, no 1. Режим доступа: <http://www.harvarddesignmagazine.org/issues/1/the-new-urbanism-and-the-communitarian-trap> (дата обращения: 1.12.22).
- Herrschel T., Newman P. (2017) *Cities as International Actors. Urban and Regional Governance Beyond the Nation State.* London: Palgrave.
- Hill D.M. (2000) *Urban Policy and Politics in Britain.* Basingstoke: Palgrave.
- Hirt S.A. (2009). *Premodern, Modern, Postmodern? Placing New Urbanism into a Historical Perspective.* *Journal of Planning History*, vol. 8, no 3, pp. 248-273.
- Howe N., Strauss W. (2007) *The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve.* *Harvard Business Review*, vol. 85, no 7-8, pp. 41-52.
- Ikonnikov A.V. (2001-2002) *Arhitektura HKH veka. Utopii i real'nost': v 2-h tomah [Architecture of the Twentieth Century. Utopias and Reality: in 2 volumes].* Moscow: Progress-Tradition Publishers. (in Russian)
- Immigranty v Moskve [Immigrants in Moscow] (2009) Edited by J. Zayonchkovskaya. Moscow: "Three Squares". (in Russian)
- Jacobs J. (1961) *[The Death and Life of Great American Cities].* New York: Random House.
- Katz P. (1994) *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community.* NY: McGraw Hill.
- Kogan L.B. (1990) *Byt' gorozhanami [Being a Citizen].* Moscow: "Thought". (in Russian)
- Kogan L.B. (1993) *Demokratiya bez gorodov? [Democracy Without Cities?].* Novosibirsk: Publishing House "Polis". (in Russian)
- Korshunov B.A. (1926) *Novejshie vzglyady na gorodskoe stroitel'stvo. Le Korbyuz'e, urbanizm [The Latest Views on Urban Construction. Le Corbusier, Urbanism].* *Stroitel'naya promyshlennost' [Stroitel'naya Promyshlennost']*, no 2, pp. 147-148. (in Russian)
- Kudryavtsev F.S. (2021) *Gradostroitel'noe planirovanie v eru bol'shih dannyh, masshtabov i skorosti izmeneniya gorodov [Urban Planning in the Era of Big Data, Scale and Rate of Change of Cities].* *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya [Geourbanistics and Urban Planning: Theoretical and Applied Research].* Moscow: Faculty of Geography, Moscow State University, pp. 28-48. (in Russian)
- Laruelle M. (2020) *Urban Regimes in Russia's Northern Cities: Testing a Concept in a New Environment.* *Arctic*, vol. 73, no 1 (March), pp. 53-66.
- Le Corbusier (1970) *Arhitektura XX veka [Architecture of the 20th Century]/*translated by Zaytsev V.N., ed. Le Corbusier (1976). (in Russian)
- Le Corbusier (1976) *Tri formy rasseleniya. Afinskaya Hartiya [The Charter of Athens]/*translated by J. Rosenbaum, afterword by Y. Bocharov and A. Rappaporvol. Moscow: Stroyizdatvol. (in Russian)
- Ledyayev V.G. (2008) *Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya [Urban Political Regimes: Theory and Experience of Empirical Research].* *Politicheskaya nauka. № 3 «Lokal'naya politika, mestnoe samoupravlenie: Rossijskij i zarubezhnyj opyt» [Political Science, no 3 "Local Politics, Local Self-Government: Russian and*

- Foreign Experience". Moscow: INION RAS, pp. 32–60. (in Russian)
- Lefebvre H. (1967) *Le Droit à la Ville. L'Homme et la société*, no 6, pp. 29–35.
- Lefebvre H. (1970) *Proposition pour un Nouvel Urbanisme*. Lefebvre H. Du Rural à l'Urbain. Paris : Anthropos, pp. 183–196.
- Lemke T. (2012) *Foucault, Governmentality and Critique*. Boulder, CO: Paradigm.
- Logan J., Molotch H. (1987) *Urban Fortune: The Political Economy of Place*. University of California Press, Berkeley.
- Lynch K. (1981) *A Theory of Good City Form*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mannheim K. (1952) *Essays on the sociology of knowledge*/Ed. by P. Kecskemeti. London: Routledge.
- Mannheim, K. (1952) *The Problem of Generations. Essays on the Sociology of Knowledge*/ In P. Kecskemeti (Ed.). London: Routledge and Kegan Paul, pp. 276–320.
- Medvedkov Y.V. (1978) *Chelovek i gorodskaya sreda* [Human and Urban Environment]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Medvedkov Y.V. (1980) *Dinamizm gorodskoj sredy, vyavlyaemyj social'noj geografiej* [Dynamism of the Urban Environment Revealed by Social Geography]. *Voprosy geografii* [Questions on Geography], no 115, pp. 141–154. (in Russian)
- Mossberger K., Stoker G. (2001) *The Evolution of Urban Regime Theory: The Challenge of Conceptualization*. *Urban Affairs Review*, vol. 36, no 6, pp. 810–835.
- Nichols W.J. (2005) *Power and Governance: Metropolitan Governance in France*. *Urban studies*, vol. 42, no 4, pp. 783–800.
- North D. (1990) *Institutes, Institutional Change and Economic Performance*. Publisher: Cambridge University Press
- Novikov A., Kotov E., Goncharov R., Nikogosyan K., Gorodnichev A. (2016) *Moskva: kurs na policentrichnost'*. *Ocenka effektivov gradostroitel'nyh proektov na policentricheskoe razvitiye Moskvyy* [Moscow: A Course for Polycentricity. Assessing the Effects of Urban Development Projects on Polycentric Development of Moscow]. Moscow: MUF. (in Russian)
- Pis'mo Korbyuz'e Ginzburgu i otvet Ginzburga [Corbusier's Letter to Ginzburg and Ginzburg's Answer] (1930) *Sovremennaya arhitektura* [Modern Architecture], no 1–2, pp. 61–62. (in Russian)
- Prognoznoe social'noe proektirovanie i gorod:. sSb. nauch. tr. v 4-h t. [Predictive Social Design and the City: Collection of Scientific Works in 4 vols]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (in Russian)
- Purcell M. (2006) *Urban Democracy and the Local Trap*. *Urban Studies*, vol. 43, no 11, pp. 1921–1941.
- Robbins E. (1998) *The New Urbanism and the Fallacy of Singularity*. *Urban Design International*, vol. 3, no 1, pp. 1–10.
- Rose N. (1999) *Powers of Freedom: Reframing Political Thought*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Sander Th. (2002) *Social Capital and New Urbanism: Leading a Civic Horse to Water?*. *National Civic Review*, vol. 91, no 3, pp. 213–234.
- Sassen S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Song Y., Knaap G.-J. (2003) *New Urbanism and Housing Values: A Disaggregate Assessment*. *Journal of Urban Economics*, vol. 54, no 2, pp. 218–238.
- Stoker G., Mossberger K. (1994) *Urban Regime Theory in Comparative Perspective*. *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 12, no 2, pp. 195–212.
- Stone C. (2001) *The Atlanta Experience Re-examined: The Link Between Agenda and Regime Change*. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 25, no 1, pp. 20–34.
- Stone C.N. (1987) *Summing up: Urban Regimes, Development Policy, and Political Arrangements*. C.N. Stone and H.T. Sanders (eds.) *The Politics of Urban Development*. Lawrence: Univ. Press of Kansas, pp. 269–90.
- Stone C.N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta 1946–1988*. Lawrence: Univ. Press of Kansas.
- Taylor P. (2000) *World City and Territorial States under Conditions of Contemporary Globalization*. *Political Geography*, vol. 19, no 1, pp. 5–32.
- Taylor P. (2004) *World City Network: A Global Urban Analysis*. New York: Routledge.
- Varshava E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. (2020) *Mesta rezidentnoj koncentracii migrantov v rossijskih gorodah: est' li pattern?* [Places of Resident Concentration of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], vol. 19, no 2, pp. 225–253. (in Russian)
- Vendina O., Albert A., Prikhudailova A. (2012) *Social'nyj atlas Moskvyy* [Social Atlas of Moscow]. *Proekt Rossiya* [Project Russia], vol. 66. (in Russian)
- Vendina O.I. (2005) *Migranty v Moskve. Grozit li rossijskoj stolice etnicheskaya segregaciya?* [Migrants in Moscow. Does the Russian Capital Face Ethnic Segregation?]. Moscow: CMI. (in Russian)
- Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. (2019) *Social'noe prostranstvo Moskvyy: osobennosti i struktura* [Social Space of Moscow: Features and Structure]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Seria Geographic], no 6, pp. 3–17. (in Russian)
- Veshninsky Yu.G. (1998) *Sociokul'turnaya topografiya Moskvyy: ot 1970-h k 1990-m* [Sociocultural Topography of Moscow: From the 1970s to the 1990s]. *Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury: Sbornik statej* [Moscow and the "Moscow Text" of Russian Culture: Collected Articles]. Moscow: Russian State University for the Humanities, pp. 198–225. (in Russian)
- Vishnevskiy A.G. (1992) *Na polputi k gorodskomu obschestvu* [On the Halfway to the Urban Society]. *Chelovek* [Human], no 1, pp. 12–24. (in Russian)
- Vishnevskiy A.G. (1998) *Serp i rubl'* [Sickle and Ruble]. *Konservativnaya modernizaciya v SSSR* [Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI. (in Russian)
- Volkov D. (2020) *Otlichiya molodyh rossiyan ot predstavitelej starshih pokolenij: rezul'taty sociologicheskogo monitoringa* [Differences between Young Russians and Representatives of Older Generations: Results of Sociological Monitoring]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion], no 1–2, pp. 122–129. (in Russian)
- Vysokovskiy A.A. (1986) *Prostranstvennoe prognozirovanie zastrojki slozhivshisya gorodov* [Spatial Forecasting of the Development of Established

- Cities]. *Seria: Grazhdanskoe stroitel'stvo i arhitektura* [Series: Civil Engineering and Architecture]. Moscow: CSTI for Civil Engineering and Architecture. (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (1998) *Tochka otscheta gorodskogo prostranstva* [The Reference Point of Urban Space]. *Chelovek i gorod: prostranstva, formy, smysl. Materialy mezhdunarodnogo kongressa Mezhdunarodnoj associacii semiotiki prostranstva: sSb. statej v 2-h tomah* [Human and the City: Spaces, Forms, Meaning. Proceedings of the International Congress of the International Association for the Semiotics of Space]. Ekaterinburg: *Arhitekton*, vol. 2, pp. 85-88. (in Russian)
- Vysokovsky A.A. (2008) *Vizual'nye obrazy gorodskoj sredy* [Visual Images of the Urban Space]. Moscow: Locus Standi. (in Russian)
- Walters W. (2012) *Governmentality: Critical Encounters*. Routledge.
- Zukin Sh. (2010) *The Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*. New York: Oxford University Press.